

отдалены друг от друга многовековым отчуждением, чтобы их воссоединение совершилось так легко и скоро.

Пока в Европе совершался трудный процесс усвоения античной науки, иго турецкого варварства тяготело над превращенной в пустыню Грецией. Если истребление алчных архонтских родов османами являлось в данный момент скорее благодеянием, чем потерей для эллинского народа, то он вместе с этим исчезновением высших классов, с выселением за границу всего сильного и интеллигентного лишался всех элементов, питающих национальное самосознание. В нивелированной Греции осталась лишь однообразная масса рабов.

Но благодаря мечу янычар она была хоть избавлена от анархии. Освобождение несчастной страны от ее крупных и мелких тиранов было для нее истинным возрождением. В продолжение многих веков она была жертвой разбойничьих набегов, династических раздоров и войн, истерзавших ее до такой степени, что покой могилы она предпочитала этим мучениям. К тому же правление турок оказалось менее тяжелым, чем ожидали эллины. Магометанское завоевание не повлекло за собой появления в стране азиатских орд. Новая монархия преемников Османа, зародышем которой был кочевой шатер на берегах Оксуса, достойна удивления уже потому, что она покоилась не на грубой силе большого племени, но на династии великих государей, на военной касте, на заимствованной у сельджуков военно-феодальной системе и, наконец, на религиозном кодексе. Базисом страшного турецкого могущества было, во-первых, как и в Риме при самодержавных цезарях, слияние государства с дворцом владыки, все подданные которого являлись его рабами, и во-вторых, организация постоянного войска янычар.

Овладев наследием первого и последнего из Константинов, султан подчинил разнообразные провинции однообразному управлению пашей или наместников, которые собирали дань и посредством строгости и жестокости приучали презренную райю к покорности. Но даже самый беспощадный тиран, не имея возмож-